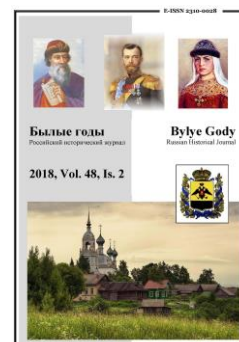

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 496-504. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.496
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Geographical Factors of Formation of Agriculture in the Baikal Region in the XVII–XIX centuries

Milana V. Ragulina ^{a, b, *}, Natalya V. Rogovskaya ^{a, b}, Marina A. Grigorieva ^a, Nina A. Ippolitova ^{a, b}

^a V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Russian Federation

^b Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Russian Federation

Abstract

Baikal region is important for the study of Siberian agriculture. In this region, natural landscapes include mountains, taiga, forest-steppe and steppe. The region is characterized by a harsh climate, a variety of vegetation and soils. This area is also inhabited by nomadic peoples – Evenks in the taiga and Buryats in the steppe. Various natural conditions of the region and social and cultural environment have formed special traditions in the agriculture of Siberian peasants. These traditions were well adapted to the dynamics of the environment. The choice of places for arable land, the structure of crops, the technology of land cultivation had a wide range of regional and local options and differed from those in European Russia. The article discusses the two major historical landscape of the area agricultural development of the region, Ilim-Lena in the forest, and Irkutsk-Balagansk in the forest steppe. These areas consistently occupied the main place in agriculture of the Baikal region. Agricultural systems depended on geographical and social factors. They also took into account cyclical fluctuations in the productivity of biological resources and instability of agro-climatic factors. Buryat and Evenky local communities perceived agriculture under the influence of Russian peasants. Agriculture was a more productive way of economic activity and contributed to the acculturation of indigenous peoples. Agriculture Western Buryats depended on natural landscapes; it was a successful and effective way of life support. Agriculture of the Evenks combined with cattle breeding, hunting, gathering and reindeer herding. The analysis has led to the conclusion that the Siberian agricultural systems in the pre-Soviet period are of great scientific importance for the study of traditional knowledge and experience. This knowledge has potential practical significance for planning agro-economic development of Siberian regions.

Keywords: Baikal region, Siberia, agriculture, natural factors, adaptation, Siberian peasants, Buryats, Evenks.

1. Введение

Земледелие в Прибайкалье оказало значительное влияние на традиции и образ жизни пришлого крестьянского населения, культуру жизнеобеспечения аборигенных этносов, природные ландшафты территории. Освоение огромных, ранее неизведанных пространств было «испытанием на прочность» для российского крестьянства. Природно-географические условия Прибайкалья потребовали приспособления населения к среде обитания, выработки новых моделей поведения, хозяйственных технологий и модификации традиционного земледельческого опыта, что обуславливает актуальность темы исследования. Она также заключается в выяснении воздействия географических особенностей территории на формирование вариативности хозяйственных стратегий. На примере земледельческого освоения Прибайкалья и перехода к земледелию кочевников степей и тайги прослеживается зависимость аграрных систем от природных, этнокультурных и социально-экономических факторов.

* Corresponding author

E-mail addresses: milanara@yandex.ru (M.V. Ragulina)

Прибайкалье в границах современной Иркутской области обладает крайней неоднородностью земельных ресурсов: от относительно благоприятных до полностью непригодных к распашке. Суровые климатические условия, пересеченный и контрастный рельеф с большими перепадами высот, типы растительности и почв обусловили необходимость адаптации навыков земледелия к местной природной среде.

В задачи работы входит изучение влияния географических факторов на земледелие региона. Осмысление последствий земледельческой колонизации как катализатора аккумуляционного влияния российского крестьянства велось и ранее, однако комплексное рассмотрение его взаимодействия с природной средой, социумом, культурами кочевников тайги, горной тайги и скотоводов степей, динамикой этнических ландшафтов является новым ракурсом исследования. Сопоставление особенностей климата и сибирских ландшафтов, почвенного покрова, растительности и рельефа с технологиями земледелия, принесенными переселенцами из иной ландшафтной среды Европейской России, позволило определить основные особенности земледельческого хозяйственного комплекса Прибайкалья. При этом основное внимание уделяется историко-географическим тенденциям формирования адаптивно-ландшафтных стратегий хозяйственной деятельности.

2. Материалы и методы

2.1. Источники, положенные в основу работы, представлены современными и дореволюционными публикациями по теме земледельческого освоения Сибири: статистическими описаниями и обследованиями, аналитическими работами. Привлечены современные исследования по проблеме хозяйственной адаптации традиционных обществ, этноэкологии, исторической географии. Используются физико-географические работы, рассматривающие специфику природной среды Прибайкалья, историко-экономические и этногеографические публикации, а также материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

2.2. Методы исследования. Элементы системного подхода позволили рассмотреть климатические и ландшафтные особенности, характер почв, специфику формирования расселения и природопользования в рамках целостных территориально-хозяйственных образований. Помимо этого, сравнительно-исторический метод обеспечил возможность выявления основных этапов формирования земледельческих центров в регионе, а сравнительно-географический подход позволил установить локальные особенности природно-хозяйственных отношений аборигенного и пришлого населения территории. Исследование базируется на историко-географическом подходе.

3. Обсуждение

Первые сведения о природной среде Прибайкалья в контексте человеческой деятельности имеются в трудах академических экспедиций (Элерт, 1990). Более подробно описание природы и хозяйства Прибайкалья выполнено в фундаментальной работе Ю.А. Гагемейстера (Гагемейстер, 1854), а также статистико-экономических трудах Д.Д. Ларионова (Ларионов, 1870). К концу XIX в. с развитием переселенческого движения обобщается и публикуется богатейший фактический материал о почвах, растительности, земельных ресурсах территории, практике и технике земледелия, поземельному устройству и картографической привязке его ареалов (Материалы, 1890), формировании расселения и хозяйства коренных народов (Патканов, 1906). Детально рассмотрены социально-экономические проблемы земледелия (Асалханов, 1963; Кожухов, 1967; Крестьянство, 1982; Крестьянство, 1983). В региональном плане значительный массив архивных источников, касающихся Илимно-Ленского земледельческого ареала, был введен в научный оборот и глубоко проанализирован в уникальном исследовании В.Н. Шерстобоева (Шерстобоев, 1949; Шерстобоев, 1957), который уделил большое внимание природным, социально-экономическим и административным факторам. Сибирское земледелие изучалось как комплексный феномен, роль географической среды прослеживалась в проблеме «опыта» – выбора места под пашню и первичной оценки пригодности угодий, а также климатических ограничений земледельческих ареалов (Шунков, 1956).

На рубеже 1990-х гг. формируется эколого-хозяйственное направление историко-географических исследований (Мамсик, 1989; Липинская, 1998), сконцентрированное на проблеме приспособления крестьянского хозяйства к природным условиям. Этнокультурную специфику природно-хозяйственной адаптации придает включение народного опыта (Миненко, 1991) и культурно-ценностных доминант (Лурье, 1998). Данное направление нашло отражение в изучении земледелия у эвенков (Туголуков, 1985; Рагулина, 2009) и бурят (Зандараев, 2014; Бураева, 2012). Исследования, сфокусированные на природных условиях региона (Беркин и др., 1993; Бояркин, 1973), влиянии на общество климата и экстремальных природных явлений (Борисенков, 1978; Мыглан, 2015) освещают естественно-научные грани проблемы.

Таким образом, воздействие природных и социально-географических условий на специфику становления сибирского земледелия отражено в значительном количестве научных публикаций. Вместе с тем вопросы комплексного взаимодействия земледельческого (в том числе аборигенного) населения Прибайкалья и географической среды, выразившиеся в формировании адаптивных систем

природопользования, изучены в меньшей мере, поэтому настоящая работа призвана восполнить существующий пробел.

4. Результаты

Первопоселенцы, прибывавшие в Прибайкалье, происходили в основном из северно-русских регионов: Вологодчины, Архангельска, Устюга, Пинеги, Соли Вычегодской (Серебренников, 1915). Прибыв в Сибирь, они столкнулись с резко-континентальным климатом, сильными ветрами, мерзлотой, разнообразием форм рельефа, типов растительности и почв. Прибайкалье считается зоной рискованного земледелия: если обычные колебания средних климатических параметров могут вызвать изменение урожайности зерновых на 10–20 %, то влияние экстремальных климатических условий превышает эту цифру в 2–3 раза и достигает 30–50 (Борисенков, 1982: 82).

Бассейны р. Лены и р. Илим, наиболее доступные в транспортном отношении и защищенные от набегов степных кочевников, стали центром первого очага земледельческой колонизации края. Илимско-Ленский ареал приурочен к Лено-Ангарскому плато и поднятию Илимской равнины. Его климат отличался континентальностью, низкими (от -3,6 до -4,3 °С) среднегодовыми температурами воздуха, когда устойчивые морозы со снегом держатся 160–190 дней, средняя продолжительность безморозного периода составляет 90–98 дней, а высота снежного покрова 36–73 см. Для территории характерны перепады рельефа и климатические контрасты, разнообразие растительности. Здесь произрастают таежные леса из лиственницы сибирской, пихты, сосны, кедра. Речные долины заняты лугами, в поймах преобладают заросли кустарников с осоками и мхами, распространены болота, заболоченные леса и луга (Беркин, Филиппова, 1993: 90, 97; Бояркин, 1973: 134, 136).

Илимский острог стал в XVII в. центром, вокруг которого по речным долинам расположилась сеть мелких деревень. Сетевая структура расселения обусловлена природными особенностями территории – отсутствием пахотных угодий сплошного характера. Связь ресурсных возможностей территории и форм расселения оказала влияние на формирование менталитета и культурных особенностей сибиряков Илимско-Ленского края. Суровые природные условия сдерживали увеличение численности населения, и все же «неудобный район» менее чем за полвека превратился в устойчивый и продуктивный ареал производства зерновых. «Илимское воеводство выполняло при этом как бы роль обширной опытной сельскохозяйственной станции, где шло испытание земледельческих приемов в своеобразном приречном горно-таежном регионе» (Шерстобоев, 1949: 4). Границы Илимско-Ленского земледельческого района на юге обуславливались соседством воинственных бурятских племен, на севере – суровыми климатическими условиями. Опытный сев в сибирском земледелии был обязательным этапом первоначального освоения, так как расчистка леса под пашню требовала огромных усилий (Шунков, 1952: 233).

Поиск мест для пашни в основном фокусировался на долинах рек, где залегали плодородные, обогащенные илом почвы, а река своим обогревающим влиянием могла защитить всходы от холода. Предпочтение отдавалось южным склонам: они лучше прогревались солнцем, имели более мощные почвенные горизонты. Распахивались места, заросшие кустарником и травами, которые возникают обычно на месте гарей или вырубок – елани.

Относительно микроареальной сети расселения В.Н. Шерстобоев отмечал, что «средний размер селения – строго закономерная величина для конкретной эпохи и местности..., громадная и сравнительно густая сеть мелких русских селений сделала всю занятую местность непроницаемой для любого иноземного народа, позволила в ячейках между узлами сети осуществлять в дальнейшем размещение новых колонизационных отрядов крестьян. Эта форма не была указана сверху, а была найдена в процессе освоения Сибири пашенными крестьянами и представляла как бы внешние контуры и каркас всего расселенческого дела» (Шерстобоев, 1949: 37). Такой каркас включал три типа функциональных ареалов, приуроченных к деревне из одного или нескольких дворов: пашню на еланиях, южных склонах или в речной долине, которая могла быть фрагментарной и удаленной от жилья, выгон в поймах рек и ручьев поблизости от селения, покосы, занимавшие все прилежащие к селению луговины и речные долины.

Укрепление военно-политического положения русских переселенцев на юге территории было достигнуто лишь ко второй половине XVIII в. К этому времени на свободные земли вокруг Иркутского и Балаганского острогов прибывали новые потоки переселенцев. На рубеже XVIII–XIX вв. сместился к югу основной центр земледельческого производства: Московский тракт создал перспективные рынки сбыта и способствовал освоению новых земель. Территории, прилежащие к тракту, осваивались наиболее интенсивно: распахивались непосредственно притрактовые участки, наделы в бассейнах Средней и Верхней Ангары. Природные условия нового земледельческого района, тяготеющего к городам Иркутску и Балаганску, в большей мере способствовали земледелию. Лесостепи и степи имели более пологий рельеф, почвы были значительно плодороднее таежных, продолжительность безморозного периода составляла 100 дней, среднегодовые температуры воздуха – от -2,1 до -2,6 °С (Беркин, Филиппова, 1993: 221). В регионе наиболее четко прослеживалась зависимость рисунка расселения от транспортной сети: район сближения водного пути – р. Ангары и сухопутной артерии – Московского тракта характеризовался наибольшей освоенностью, имея самую

высокую плотность деревень. На северо-западе две названные транспортные артерии расходились на значительное расстояние друг от друга, и в Нижнеудинском округе земледельческий ареал приобретал вид двух полос, прилегающих к транспортным магистралям. Эти полосы были разделены неосвоенными землями и кочевьями бурят-скотоводов. Более благоприятные природные условия в совокупности с концентрацией земледельческого населения и относительно недавний, по сравнению с северными территориями, срок эксплуатации пашни обусловили высокие показатели урожайности и производства зерновых. К XIX в. здесь складывается гармоничная социальная среда, часть аборигенов перенимает земледельческий образ жизни. За тридцать лет с момента постройки Московского тракта, с 1760 до 1790 г., был сформирован крупный земледельческий очаг на юге Прибайкалья, где 71,2 % валовых сборов зерновых и 57,3 % посевов приходилось на Иркутский и Нижнеудинский уезды Иркутской губернии (Крестьянство, 1982: 224).

Районы нового освоения, приуроченные к степным и лесостепным ландшафтам, в отличие от таежных, имели более высокое потенциальное плодородие почв и требовали меньше трудозатрат.

Успешность земледельческого хозяйства характеризует урожайность. Мерой урожайности до революции традиционно считался сам – соотношение объема собранного урожая к объему высеянных семян. К концу XVIII в. урожайность ржи и пшеницы на новых землях в лесостепных ареалах была сам – 8, ячменя сам – 4, старопахотные таежные истощенные почвы давали вдвое меньше. В 1802 г. урожайность озимого и ярового хлеба по Иркутской губернии составила в среднем сам – 4,1 (Зябловский, 1808: 292). Для сравнения, земледельческие районы Центральной России и Нечерноземья на рубеже XVIII–XIX вв. имели средние урожаи, не превышающие для ржи и пшеницы 3–4, ячменя – 4,5 сам (Ковальченко, 1967: 76, 77). Приведенные данные показывают зависимость урожайности от ландшафтных условий и подтверждают успешность земледелия в Прибайкалье.

Таежные сибирские ландшафты определяли техники хлебопашества и тип земледелия. Расчистка земли под пашню в виду трудоемкости и бедности почв не могла дать обширных площадей, и поэтому в лесной зоне применялась двупольная система пар-зерновые. Она заключалась в том, что вся пашня делилась на два поля, и попеременно их засевали, а другое «отдыхало», восстанавливая плодородие. Чередование участков позволяло замедлить истощение плодородия почв.

Если пашня требовала более длительного периода для восстановления, то применялся перелог, который состоял в более длительном, до 20 лет и выше, отдыхе бывшей пашни. Участок «пара» переходил в «залежь», зарастая травами и кустарниками, поэтому разработать его заново было намного труднее. Земледелие в таежных условиях требовало значительных усилий: «труды, сопряженные с расчисткой новых земель не только для пашен, но и для лугов, недостаток выгонов по дремучим лесам причиной, что крестьяне вообще в лесных местах беднее, чем даже в самых бесплодных степях» (Гагемейстер, 1854: 352). Поэтому количество залежных земель в тайге было невелико, оно напрямую зависело от обеспеченности хозяйств рабочей силой и лошадьми. Осветленные участки тайги и речные долины к XIX в. были освоены полностью, поэтому приращение площади пашни шло за счет расчистки лесов.

В условиях степей и лесостепей поначалу также господствовало двуполье, но земельный простор и более низкие трудозатраты позволяли намного шире применять чередование полей и переводить участки в «залежь». В лесостепных ландшафтах сформировалась залежно-паровая система. Она варьировала в зависимости от местных географических условий и микроклимата посредством различных пропорций пара и залежи, изменения сроков их эксплуатации. В результате успешной адаптации к середине XIX в. закрепилась наметившаяся в его начале тенденция, когда «волости, расположенные по Ангарскому бассейну, не только уже не нуждаются в хлебе, но даже уже находится у них часть и для продажи» (Ларионов, 1890: 18).

Типы почв определяли возможности развития земледелия. Объективные исследования земледельческих ресурсов территории стали возможны лишь в конце XIX в. Попытки применения «черниговского метода» обследования пашни предусматривали совмещение данных об урожайности, технологиях обработки земель с характеристиками почвенных разрезов. В Прибайкалье данный подход в полной мере реализовать не удалось, поскольку технически не было возможности охватить обследованиями фрагментарные и мозаично расположенные пахотные угодья (Материалы, 1890: 278). Отсутствие достоверного учета урожая и размеров пашни привело к тому, что объективные методы уступили опросам местных жителей.

Красная почва считалась крестьянами одной из лучших пашен и использовалась до 60 лет, черные крепкие почвы могли использоваться без истощения до 100 лет. Как и красноземы, черные крепкие почвы после непрерывного многолетнего использования теряют структуру и делаются, по словам крестьян, «подобны пеплу». Высоким первоначальным плодородием обладали легкие почвы с народными названиями «бузуны» и «пыхуны». Плодородие зависело от погодных условий: в сухие годы хорошие урожаи давали красноземы и суглинки, во влажные – легкие почвы (Материалы, 1890: 279). Песчаные и супесчаные почвы распахивали в низинах и долинах рек, но галька и щебень затрудняли обработку, и поэтому такие участки использовались при недостатке угодий или слабости домохозяйств. Песчаные и иловатые почвы эксплуатировались от 4 до 15–16 лет, глины 10–20 лет,

болотные не более 2 лет ([Материалы, 1890: 283](#)). Опытным путем определялись сроки использования пашни: в некоторых случаях ее можно было пахать несколько десятилетий, в течение жизни целого поколения. Далее обязательно следовала залежь, и только после замещения травянистой растительности кустарниками и подростом деревьев она могла быть разработана вновь.

Мнение о том, что «нагрузка на слабые почвы Иркутской губернии была интенсивнее, чем в Енисейской губернии» ([Липинская, 1998: 199](#)), не учитывает локального разнообразия ландшафтных и агроклиматических условий региона, их контрастности, которые обусловили формирование разных режимов эксплуатации пашен, так что «усреднение» показателей огромной территории вряд ли целесообразно.

Структура посевов во многом определялась особенностями природных условий. Осимая рожь возделывалась с начала освоения края во всех районах. Яровая рожь появилась, когда техника ведения хозяйства уже приспособилась к местным условиям и распространилась в южных ареалах. Вместе с пшеницей она теснила позиции озимой ржи повсеместно, что особенно проявлялось в районах с небольшой мощностью снежного покрова и сильными ветрами, где озимая рожь часто гибла от заморозков. Яровая пшеница, овес и рожь присутствовали на всей территории земледельческого Прибайкалья. Хотя яровая рожь требовала больших трудозатрат и количества посевного материала, крестьяне предпочитали яровые посевы. Объяснение такой ситуации дают особенности природных условий. Осимая рожь возделывается в регионах с высоким и устойчивым снежным покровом и плодородными почвами, поэтому в масштабах губернии она преобладала лишь на юге Прибайкалья. Доля озими в северных районах, несмотря на высоту снежного покрова и его устойчивость, была наименьшей из-за малопродуктивных каменистых почв. При кажущейся выгоде озимых хлебов расширению посевов препятствовал невысокий снежный покров в степи и лесостепи, где сильные ветры выдувают из почвы семена. К социальным причинам малой доли озимых хлебов относится отток рабочих рук в июле, в период подготовки полей, для исполнения натуральных повинностей, «на которые употребляется ежегодно почти четверть рабочего населения» ([Ларионов, 1879: 66, 67](#)).

Комплексный характер структуры посевов прослеживается на всей территории. В 1868 г. на 100 десятин яровых приходилось озимых в округах: Киренском – 24, в Нижнеудинском – 192, в Верхотурском – 80, в Балаганском – 31 и в Иркутском – 34 десятины ([Ларионов, 1870: 63](#)). Так, в Киренском округе, гористом и покрытом таежной растительностью, с глубоким снежным покровом, который хорошо удерживается зимой и долго не тает весной, казалось бы, должна доминировать озимь, но этого не происходит, поскольку основные пашни расположены на склонах с каменистыми почвами, которые больше подходят для яровых хлебов, и особенно ячменя. Осимь в округе представлена небольшими участками в речных долинах. Напротив, в Нижнеудинском округе, где предгорья Саян создают благоприятный микроклимат, посевы озимых в два раза превышают посевы яровых. Таким образом, структура посевов была максимально адаптирована к местным условиям.

Процесс заимствования элементов земледельческого хозяйства коренными народами завершился переходом ряда бурятских и эвенкийских этнолокальных групп к земледелию как основе жизнеобеспечения. В первой половине XVIII в. о западно-бурятском земледелии имеется мало сведений, поскольку пашни бурят не подлежали учету ([Зандараев, 2014: 4](#)). Рассмотрим влияние преобладающих типов ландшафта на земледелие бурят. Из четырех инородческих ведомств в 1820 г. наибольшая доля земледельческого населения присутствовала среди бурят в аларском ведомстве с лесостепными ландшафтами и плодородными почвами: 71 % ревизских душ занимался только земледелием, 4,5 % – земледелием и скотоводством, 3,8 % – земледелием, скотоводством и охотой. В итоге все бурятское население данного ведомства было земледельческим, а 20,8 % охотников и скотоводов были представлены эвенками. Для сравнения, в лесостепном и степном Кудинском ведомстве с плодородными почвами неземледельческое население составило 19,6 % (свыше 60 % из них – эвенки), в таежном Китойском с малыми запасами пашен оно возросло до 37,7 % (все – буряты), в горно-таежном и степном Тункинском ведомстве составило 36,2 % (около трети – эвенки) ревизских душ ([ГАИО. Ф. 2698. Оп. 1. Д. 1. Л. 221-226](#)). Таким образом, природные факторы играют определяющую роль и в бурятском земледелии. Ю.А. Гагемейстер, признавая, что производство излишков зерновых в Иркутском округе – это следствие перехода бурят к земледелию, ставит их в пример русским за трудолюбие ([Гагемейстер, 1854: 354](#)).

К концу XIX в. в трех земледельческих округах Иркутской губернии среднее количество пашни на одно русское и бурятское хозяйство составило соответственно в Иркутском – 10,2 и 7,9, в Балаганском – 13,4 и 14,0, в Нижнеудинском – 13,0 и 10,3 десятин. При этом в Балаганском округе не имели пашни 19,2 % хозяйств в волостях и лишь 3,3 % – в инородческих бурятских ведомствах ([Материалы, 1890: 187](#)). Эти данные подтверждают вывод о том, что бурятское население лесостепных ландшафтов Иркутской губернии настолько успешно перешло на земледельческую хозяйственную модель, что опередило русское крестьянство, став основным производителем зерновых. В то же время перевод бурят на оседлость был официальным, насаждаемым курсом, и если в лесостепных прибайкальских районах такой переход носил плавный и естественный характер, то в Забайкалье с устойчивой ориентацией на скотоводство земельная конкуренция с русскими крестьянами обостряла социальную обстановку ([Клеменц, 1908: 52](#)).

Переход части эвенков к земледелию способствовал формированию локальных вариантов систем жизнеобеспечения (Рагулина, 2009: 115). «Главные перемены в очертаниях области тунгусов Иркутской губернии сводятся не столько к изменениям внешних границ, сколько к вытеснению их от берегов крупных рек русскими и якутами» (Патканов, 1906: 18). Перед эвенками стоял выбор: мигрировать в глубину тайги, сохраняя кочевой образ жизни, либо, находясь на своих родовых территориях, наладить отношения с новопоселенцами. Оставшиеся эвенки встретились с хозяйственной конкуренцией со стороны земледельческого населения, в результате размер осваиваемых ареалов значительно сузился.

На переход эвенкийского населения к земледелию повлиял рост значимости пушнины. Начиная с XVIII в., в структуре охотничьего промысла преобладала белка, и с этого же времени в эвенкийскую экономику прочно внедрился торговый капитал. Табель существующих цен в Восточной Сибири Киренского округа по Нижнеилимской инородной управе в 1830 г. делит товары, проданные эвенкам, на 5 категорий: жизненные потребности, домашние потребности, потребление на одежду, работа, предметы роскоши (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 63). К первой группе жизненных потребностей относятся такие продукты, как четверть ржи (6,30–9 руб.), пуд ржаной муки (0,80–0,95 руб.), пуд пшеничной муки (0,850–1,10 руб.), пуд гороху (0,70–1,0 руб.), пуд мяса говяжьего (2,5–3,0 руб.), пуд мяса свиного (3,0–4,0 руб.), пуд масла коровьего (16,0–20,0 руб.). В категории «домашние потребности» присутствовали товары: пуд железа (12–20 руб.), топор (2–3 руб.) ружье- винтовка (13–15 руб.); предметы роскоши – чай (до 6 руб. фунт), сахар (1,25–2,50 руб.), черкесский табак и табак «самосатка» (ГАИО. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 64). Цены на пушнину, муку и порох колебались в значительных пределах, на них влияла как местная ситуация, так и рыночная конъюнктура, складывающаяся на Нижегородской и Ирбитской ярмарках (Кларк, 1863: 93). Если в 1830 г. за 1 пуд муки нужно было уплатить 4–5 белок, в 1835 – 10, то в 1865 г. цены поднялись в три раза, и требовалось уже 12–15 шкур (ГАИО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 7. Л. 7–8). Эвенки, на первый взгляд, должны были стремиться увеличить продуктивность промысла, но этого не происходит, документы инородных управ показывают стабильно небольшие объемы добываемой продукции. Потеря оленей приводила к сокращению кочевания и увеличению времени оседлости, что вело к необходимости поиска иных источников жизнеобеспечения.

Зачастую шансом выживания для общины в голодный период был выход к русским деревням. Ссуда эвенкам продовольствия и боеприпасов под залог будущего промысла облегчала задачу популяризации земледелия среди аборигенов тайги. Так, магазины казенных припасов обязывались выдавать тунгусам ссуды, поскольку при потере оленей «тунгусы неминуемо должны переносить значительные стеснения в продовольствии себя и потери в промысловых своих занятиях..., чтоб на производство сих ссуд было обращено особенное внимание заведывающего краем чиновника..., задолжение припасов производить в количествах, соразмерных с испытанною потребностью каждого тунгуса» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 21. Л. 27). При переходе к земледелию решающее воздействие оказывал фактор соседства с крестьянским населением и его социальные последствия: малоземелье, потеря возможности кочевать и большая доходность сельского хозяйства по сравнению с охотой в условиях оскудения угодий. Эвенки-земледельцы, населявшие долину Ангары, к началу XX в. сменили этническую идентификацию на бурятскую и русскую (Туголуков, 1985: 18), сходные процессы отмечены в бассейнах рек Лены, Илима, южной части бассейна Нижней Тунгуски. Расширение земледельческо-промысловой хозяйственной ориентации на север лимитировалось суровыми природными условиями, которые больше соответствовали охотничье-оленоводческому типу хозяйства.

5. Заключение

Становление земледелия в Прибайкалье происходило в тесном взаимном влиянии природных условий на жизнеобеспечение русских крестьян и аборигенного населения. Земледелие изменило облик затронутых им природных ландшафтов, сформировало специфичные технологии и приемы под влиянием контрастной географической среды региона. К основным особенностям земледельческого хозяйственного комплекса Прибайкалья относится его приспособленность к циклическим колебаниям природных процессов, а также изменениям социокультурной среды.

Илимо-Ленский ареал прибайкальского земледелия сформировался в XVII в. в зоне тайги при отсутствии сплошных массивов, пригодных для освоения пахотных угодий, в сложных орографических условиях. Именно здесь, в преодолении климатической суровости и ландшафтных ограничений деятельности, складывались основные принципы полеводческих систем, которые далее были адаптированы во втором крупном земледельческом районе – Иркутско-Балаганском, где преобладали лесостепи и степи. Земледельческое население Прибайкалья оптимально использовало контрастность природной среды, учитывало естественные колебания биологических ресурсов.

В итоге сформировались территориальные варианты земледельческих систем, отличающиеся спецификой почв, привязанных к определенным типам местностей и зависимых от микроклиматических характеристик совокупностью структурных и технологических особенностей, что позволяет считать их проявлением адаптивных стратегий хозяйственной деятельности. Особенности природных ландшафтов и климата Прибайкалья были интуитивно осмыслены

русскими, бурятскими и эвенкийскими крестьянами задолго до систематической научной рефлексии. Сибирский земледелец на собственном опыте, за который приходилось платить дорогой ценой балансирования на грани выживания в экстремальные годы, знал, что стандартные подходы, работающие в одной местности, могут подвести на другом участке. Он сформировал устойчивую, простую и эффективную на данном уровне развития производительных сил хозяйственную систему, которая позволила освоить огромные пространства, выдержать испытание «на прочность», развить богатую культуру жизнеобеспечения.

Литература

- Асалханов, 1963** – Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1963. 494 с.
- Борисенков, 1982** – Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М.: Наука, 1982. 138 с.
- Бояркин, 1973** – Бояркин В.М. География Иркутской области. Вып. 3: Физико-географическое районирование Иркутской области. Иркутск: ИГУ, 1973. 328 с.
- Бураева, 2012** – Бураева О.В. Русско-бурятское этнокультурное взаимодействие в XVII–XIX вв. // *Идеи и идеалы*. 2012. Т. 1. № 4. С. 145–158.
- Беркин, Филиппова, 1993 – Беркин Н.С., Филиппова С.А. Иркутская область (природные условия административных районов). Иркутск: ИГУ, 1993. 304 с.
- Гагемейстер, 1854** – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1-2. СПб., 1854. 697 с.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- Зандараев, 2014** – Зандараев Б.Б. Развитие земледельческого хозяйства у бурят в XVIII в. // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 7 (1). С. 3-7.
- Зябловский, 1808** – Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи. СПб, 1808. Т. II. Ч. IV. 292 с.
- Кларк, 1863** – Кларк П. Очевальские и тутурские тунгусы в Верхотенском округе // *Записки ВСОРГО*. 1863. Кн. VI. С. 87-96.
- Клеменц, 1908** – Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // *Сибирские вопросы*. 1908. № 49-52. С. 7-57.
- Ковальченко, 1967** – Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: МГУ, 1967. 400 с.
- Кожухов, 1967** – Кожухов Ю.В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800–1861 гг.) // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. 1967. Т. 356. 283 с.
- Крестьянство, 1982** – Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1982. 504 с.
- Крестьянство, 1983** – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1983. 399 с.
- Ларионов, 1870** – Ларионов Д.Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная. Иркутск: Типография Н.Н. Сеницына. 1870. 380 с.
- Липинская, 1998** – Липинская В.А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке / Традиционный опыт природопользования в России. М.: Наука, 1998. С. 184-225.
- Лурье, 1997** – Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
- Мамсик, 1989** – Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 238 с.
- Материалы, 1890** – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Вып. 5. М, 1890. 466 с.
- Миненко, 1991** – Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 208 с.
- Мыглан, 2010** – Мыглан В.С. Климат и социум Сибири в малый ледниковый период. Красноярск: СФУ, 2010. 230 с.
- Патканов, 1906** – Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. 1. Вып. 1-2. // *Записки Императорского русского географического общества*. 1906. Т. 31. Вып. 1-2. 206 с.
- Рагулина, 2009** – Рагулина М.В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья // *География и природные ресурсы*. 2009. № 2. С. 109-116.
- Серебренников, 1915** – Серебренников, И.И. Первоначальное заселение Иркутской губернии // *Известия ВСОРГО*. 2015. Т. 44. С. 197-224.
- Туголуков, 1985** – Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Шерстобоев, 1949** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1949. 596 с.
- Шерстобоев, 1957** – Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1957. 674 с.

[Шунков, 1952](#) – *Шунков В.И.* «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири. XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М. 1952. С. 233-236.

[Шунков, 1956](#) – *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: АН СССР. 1956. 432 с.

[Элерт, 1990](#) – *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 246 с.

References

[Asalhanov, 1963](#) – *Asalhanov I. A.* (1963). Social'no-jekonomicheskoe razvitie Jugo-Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIX c.]. Ulan-Udje: Burjatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 494 p. [in Russian].

[Borisenkov, 1982](#) – *Borisenkov E.P.* (1982). Klimat i dejatel'nost' cheloveka. [Climate and human activities]. М.: Nauka. 138 p. [in Russian].

[Bojarkin, 1973](#) – *Bojarkin V.M.* (1973). Geografija Irkutskoj oblasti. Vyp. 3: Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Irkutskoj oblasti. [Geography of Irkutsk region: physical and geographical zoning]. Irkutsk: IGU. 328 p. [in Russian].

[Buraeva, 2012](#) – *Buraeva O.V.* (2012). Russko-burjatskoe jetnokul'turnoe vzaimodejstvie v XVII-XIX vv. [Russian-Buryat ethno-cultural interaction in the XVII-XIX cc.]. *Idei i idealy*. Vol. 1. №. 4. pp. 145-158. [in Russian].

[Berkin, Filippova, 1993](#) – *Berkin N.S., Filippova S.A.* (1993). Irkutskaja oblast' (prirodnye uslovija administrativnyh rajonov). [Irkutsk region (natural conditions of administrative districts)]. Irkutsk: IGU. 304 p. [in Russian].

[Gagemejster, 1854](#) – *Gagemejster, Ju.A.* (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri. [Statistical review of Siberia]. Ch. 1-2. SPb. 697 p. [in Russian].

[GAIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti [The State Archive of Irkutsk region].

[Zandaraev, 2014](#) – *Zandaraev B.B.* (2014). Razvitie zemlepushennogo hozjajstva u burjat v XVIII v. [Development of agriculture of Buryats in XVIII c.]. // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 7(1). pp. 3–7. [in Russian].

[Zjablovskij, 1808](#) – *Zjablovskij E.* (1808). Statisticheskoe opisanie Rossijskoj Imperii. [Statistical description of the Russian Empire]. SPb. Vol. II. Part IV. 292 p. [in Russian].

[Klark, 1863](#) – *Klark P.* (1863). Ocheul'skie i tuturskie tungusy v Verholenskom okruge [Ocheul and Tutura Tungus in Verkholensk district]. // *Zapiski VSORGO*. Vyp. VI. pp. 87–96. [in Russian].

[Klemenc, 1908](#) – *Klemenc D.* (1908). Zametki o kochevom byte [Notes on nomadic life.]. *Sibirskie voprosy*. №. 49-52. pp. 7 – 57. [in Russian].

[Koval'chenko, 1967](#) – *Koval'chenko I.D.* (1967). Russkoe krepostnoe krest'janstvo v pervoj polovine XIX v. [Russian serf peasantry in the first half of the XIX c.]. М.:MGU. 400 p. [in Russian].

[Kozhuhov, 1967](#) – *Kozhuhov Ju.V.* (1967). Russkie krest'jane Vostochnoj Sibiri v pervoj polovine XIX v. [Russian peasants of Eastern Siberia in the first half of the XIX c.]. *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena*. Vol. 356. 283 p. [in Russian].

[Krest'janstvo, 1982](#) – *Krest'janstvo Sibiri v jepohu feodalizma.* (1982). [The peasants of Siberia in the era of feudalism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie. 504 p. [in Russian].

[Krest'janstvo, 1983](#) – *Krest'janstvo Sibiri v jepohu kapitalizma.* (1983). [The peasants of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie. 399 p. [in Russian].

[Larionov, 1870](#) – *Larionov D.D.* (1870). Oчерк jekonomicheskoi statistiki Irkutskoj gubernii. Statistika sel'skohozjajstvennaja. [Essay on economic statistics of the Irkutsk region. Agricultural statistics]. Irkutsk: Tipografija N.N. Sinicyna. 380 p. [in Russian].

[Lipinskaja, 1998](#) – *Lipinskaja V.A.* (1998). Tradicionnoe sel'skoe hozjajstvo russkih krest'jan v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. [Traditional agriculture of Russian peasants in Siberia and the Far East]. / *Tradicionnyj opyt prirodopol'zovanija v Rossii*. М.: Nauka. pp. 184-225. [in Russian].

[Lur'e, 1997](#) – *Lur'e S.V.* (1997). Istoricheskaja jetnologija. [Historical Ethnology.]. М.: Aspekt Press. 448 p. [in Russian].

[Mamsik, 1989](#) – *Mamsik T.S.* (1989). Hozjajstvennoe osvoenie Juzhnoj Sibiri: mehanizmy formirovanija i funkcionirovanija agropromyslovoj struktury. [Economic development of Southern Siberia: mechanisms of formation and functioning of the agricultural structure]. Novosibirsk: Nauka. 238 p. [in Russian].

[Materialy, 1890](#) – *Materialy po issledovaniju zemlepol'zovanija i hozjajstvennogo byta sel'skogo naselenija Irkutskoj i Enisejskoj gubernij.* Irkutskaja gubernija. (1890). [Materials on research of land use and economic life of rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Irkutsk province]. Vyp. 5. М. 466 p. [in Russian].

[Minenko, 1991](#) – *Minenko N.A.* (1991). Jekologicheskie znanija i opyt prirodopol'zovanija russkih krest'jan Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX v. [Ecological knowledge and experience of natural resource use of the Russian peasants of Siberia in the XVIII – first half the XIX c.]. Novosibirsk: Nauka. 208 p. [in Russian].

- Myglan, 2010** – *Myglan V.S.* (2010). Klimat i socium Sibiri v malyj lednikovyj period. [The climate and society of Siberia in the small ice age.]. Krasnojarsk: SFU. 230 p. [in Russian].
- Patkanov, 1906** – *Patkanov S.K.* (1906). Opyt geografii i statistiki tungusskih plemen Sibiri. [The experience of the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva*. Vol. 31. Vyp. 1-2. 206 p. [in Russian].
- Ragulina, 2009** – *Ragulina M. V.* (2009). Tradicionnye sposoby zhizneobespechenija jevenkov Pribajkal'ja [Traditional ways of life-support of the Evenks of the Baikal region]. *Geografija i prirodnye resursy*. № 2. pp. 109-116. [in Russian].
- Serebrennikov, 1915** – *Serebrennikov, I. I.* (1915). Pervonachal'noe zaselenie Irkutskoj gubernii. [The initial settlement of the Irkutsk province]. *Izvestija VSORGO*. Vol. 44. pp. 197–224. [in Russian].
- Tugolukov, 1985** – *Tugolukov V.A.* (1985). Tungusy (jevenki i jeveny) Srednej i Zapadnoj Sibiri. [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. M.: Nauka. 283 p. [in Russian].
- Sherstoboev, 1949** – *Sherstoboev V.N.* (1949). Ilimskaja pashnja. T. 1. Pashnja Ilimskogo voevodstva XVII i nachala XVIII veka. [Ilim arable land. Vol. 1. Arable land Ilim province of the XVII and beginning of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 596 p. [in Russian].
- Sherstoboev, 1957** – *Sherstoboev V.N.* (1957). Ilimskaja pashnja. T. 2. Ilimskij kraj vo II–IV chetvertjah XVIII veka. [Ilim arable land. Vol. 2. Ilimsk region in the II – IV quarters of the XVIII century]. Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 674 p.
- Shunkov, 1952** – *Shunkov V.I.* (1952). «Opyt» v sel'skom hozjajstve Sibiri. XVII v. ["Experience" in agriculture in Siberia. XVII c.]. /*Materialy po istorii zemledelija SSSR*. M.: AN SSSR. pp. 233-236. [in Russian].
- Shunkov, 1956** – *Shunkov V.I.* (1956). Oчерki po istorii zemledelija Sibiri (XVII vek). [Essays on the history of agriculture of Siberia (XVII century)]. M.: AN SSSR. 432 p. [in Russian].
- Jelert, 1990** – *Jelert A.H.* (1990). Jekspedicionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri. [Field materials of G. F. Miller as a source on the history of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. 246 p. [in Russian].

Географические факторы формирования земледелия в Прибайкалье (XVII–XIX вв.)

Милана Владимировна Рагулина ^{a, b, *}, Наталья Владимировна Роговская ^{a, b},
Марина Александровна Григорьева ^a, Нина Александровна Ипполитова ^{a, b}

^a Институт географии им В.Б. Сочавы СО РАН, Российская Федерация

^b Педагогический институт Иркутского государственного университета, Российская Федерация

Аннотация. Прибайкалье занимает особое место в становлении сибирского земледелия. Оно характеризуется контрастностью природных ландшафтов, сочетающих горы, тайгу, лесостепи и степи, суровостью климата, разнообразием растительности и почв, наличием аборигенных культур кочевников тайги и степей. Разнообразие природных и социально-культурных условий региона способствовали формированию адаптированных к природной и социальной среде сельскохозяйственных традиций. Выбор мест под пашню, структура посевов, сроки и технология обработки земель имели широкий спектр региональных и локальных вариантов и отличались от таковых в Европейской России. В статье рассмотрены два основных историко-ландшафтных ареала земледельческого освоения края: таежный Илимско-Ленский, а также степной и лесостепной Иркутско-Балаганский – последовательно игравшие роль житницы региона. Показано, как под влиянием различия природно-географических условий и социальных факторов происходило формирование земледельческих систем, учитывающих естественные колебания продуктивности биологических ресурсов и нестабильность агроклиматических факторов. Переход к земледелию бурят и эвенков происходил под влиянием аккультурационных процессов и экономической необходимости заимствования более эффективных стратегий жизнеобеспечения. Рассмотрена специфика хозяйственной адаптации бурят-земледельцев и эвенков, ее зависимость от природных ландшафтов, а также разнообразие эвенкийских систем жизнеобеспечения, включающих земледелие наряду со скотоводством и таежными промыслами. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что сибирские земледельческие системы в досоветский период имеют ценность в аспекте накопления традиционных знаний и опыта, который нуждается в тщательном научном анализе и обладает потенциальной практической применимостью в планировании агроэкономического развития сибирских регионов.

Ключевые слова: Прибайкалье, Сибирь, земледелие, природные факторы, адаптация, сибирские крестьяне, буряты, эвенки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: milanara@yandex.ru (М.В. Рагулина)